

щихся, так как увеличивается удельный вес высококвалифицированных работников. Их знания, навыки, опыт, творческий потенциал, умение работать в команде обеспечат повышение доходности и финансовую устойчивость предприятия.

О.Г. Буховец, д-р ист. наук, профессор
БГЭУ (Минск)

ЧТО ВЫПАДАЕТ ИЗ ПОЛЯ ЗРЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ДИСКУССИЙ?

Периодам повышенной исторической динамики в целом свойственны некоторые общие параметры и режимы общественного развития. Наибольшее значение имеют, во-первых, сверхвысокие скорости протекания различных социальных, экономических, политических процессов и явлений, к которым люди не только не успевают приспособиться, но которые не способны порой адекватно осмыслить. Во-вторых, чрезвычайное в связи с этим «уплотнение» исторического времени. В результате обычными становятся ситуации, когда тот или иной «тектонический год» равнозначен, а то подчас и превосходит одно-другое десятилетие в ординарную эпоху.

В конечном итоге эпохи перемен обеспечивают ускоренные системные трансформации в тех обществах, которые переживают подобные времена. Однако темпы и глубина этих трансформаций в различных сферах различны. В частности в том, что касается политического устройства, экономики, социальных отношений, они намного выше и больше, чем в духовно-культурной и ментальной сфере. Последняя, будучи продуктом накопленного столетиями индивидуального и группового опыта, обладает гораздо большей автономностью и инерционностью. Если трехчленную схему продолжительности в истории Ф. Броделя экстраполировать на эпохи повышенной исторической динамики, то духовно-культурные и ментальные явления и процессы соотносятся с понятием *длительной* исторической протяженности. Данное качество и обеспечивает каждой национальной культуре сильную инерционность.

Как ни странно, в цивилизационных дискуссиях именно этому атрибуту национальных культур и не уделяется должного внимания. А ведь в многоцветном калейдоскопе определений цивилизации культура — не просто неперемный, а главный элемент. С. Хантингтон кратко определяет цивилизацию как «культуру в широком смысле слова» и как «самую широкую культурную группировку людей и самый широкий круг их культурной идентификации».

Но нельзя не отметить, что такое отождествление цивилизации и культуры позволяет критикам Хантингтона назвать его определение «постмодернистским маскарадом» понятий, ничего существенного не дающим «для понимания истории и политики».

Исключительно большой объем самих понятий «культура» и «цивилизация» вызвал разногласия в определении самого количества цивилизаций на Земле: и ушедших уже в историю, и существующих ныне. От автора к автору число их варьируется от семи (у Ростовани) до 23 (у Тойнби), и это дает оппонентам «цивилизационщиков» еще одно основание для иронии по поводу «постмодернистского хаоса и произвола, царящих в этом теоретическом королевстве».

Чтобы как-то снивелировать указанные различия и определить набор атрибутивных элементов цивилизации, в той или иной мере общих хотя бы для самых извест-

ных и авторитетных авторов — Ф. Броделя, А. Тойнби, И. Валлерстайна, К. Куингли, У. Макнила, М. Мелко и др., Хантингтон в итоге выделил язык, историю, религию, традиции, институты и субъективную самоидентификацию людей.

Отталкиваясь от них, Хантингтон вслед за М. Мелко выделяет пять ныне существующих цивилизаций: китайскую, японскую, индуистскую, исламскую и западную. В отношении еще трех цивилизаций — русской православной, латиноамериканской, африканской — его позиция уже гораздо менее определенная. В частности, он считает разумным предложение «нескольких ученых» о необходимости выделить как отдельную цивилизацию русскую православную, ибо она отличается как от «родительской византийской», так и от западнохристианской. При этом Хантингтон считает, что в ответ на признание США и европейскими странами России как «сердцевинного государства» русской православной цивилизации РФ должна согласиться на роль хотя и «крупной», но «региональной» державы.

В качестве отдельной Хантингтон выделяет также латиноамериканскую цивилизацию. Однако, как и в случае с Россией, он выдвигает «мягкое» политическое условие: необходимо «поощрять вестернизацию стран Латинской Америки», чтобы те шли, «насколько возможно», в ногу с Западом.

Нет никаких сомнений по поводу установок большинства западных «цивилизационщиков» — и либералов (как С. Хантингтон), и консерваторов (как А. Янов) в отношении остальных цивилизаций. Само собой разумеющимся для них является то, что, подобно японской, «идти в ногу с Западом» должны и остальные.

*И.И. Воробьева, канд. экон. наук, доцент
БГЭУ (Минск)*

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ПРИОРИТЕТЫ

Переход к инновационной экономике объективно связан с усилением регулирующей и созидательной роли государства, так как рыночный механизм в сфере инноваций характеризуется определенной ограниченностью. Особенно велика роль государства в создании инновационной модели развития в странах с переходной экономикой. В условиях, когда отсутствуют конкурентная среда, инновационная инфраструктура, невелика роль малого и среднего бизнеса, инновационная активность в значительной мере обеспечивается способностью государства финансировать НИОКР, принимать эффективные долгосрочные решения в этой сфере. Фактический отказ государства от поддержки научно-технической сферы в начале рыночных преобразований был стратегической ошибкой и способствовал формированию антиинновационного климата.

Однако, как показывает опыт экономически развитых стран, инновационная политика не может быть результативной при постоянно растущем государственном финансировании научно-исследовательской деятельности и недостаточной инновационной активности реального сектора экономики. Наблюдается тенденция к постепенному снижению участия государства в финансировании НИОКР в этих странах по мере роста уровня их экономического развития. Не этот процесс сопровождается усилением роли государства в создании стимулов к инновационному развитию.